

ЯБЛОКИ ТВОЕГО ДЕТСТВА

...Черный поезд простучал, Люда повалилась в разошедшееся сено, яблоки рассыпались по всему кузову, потому что призрачно белеющий шлагбаум поднялся призрачно же неслышно, и грузовик рванулся, спеша переехать через пути. Пока он перебирался через рельсы, Люда торопливо собирала розовые, сияющие, как звезды, яблоки. Оказалось, что кулек разорвался. Люда все же завернула яблоки в полиэтилен и положила себе на колени. Машину немного потряхивало, она ухватилась руками за борт и стала смотреть вперед, на летящее ей навстречу зарево городских огней.

В кабине шофер включил радио. Раздался треск, потом женский голос с чувством произнес: "Я не могу иначе"...

— Я тоже не могла иначе, — сказала вслух Люда.

Отсвет огней города лег на ее круглое бледное лицо и сделал его значительнее и торжественнее. Даже наливающийся синяк под глазом сейчас не портит Люду.

Грузовик незаметно влился в автостраду, представляющую собой сплошной поток автомобилей и автобусов. Рядом с ним, бок о бок, шел серебристо-алый красавец междугородний экспресс. Люда видела лица пассажиров. Одернула сарафан, закрывая грязные исцарапанные колени. Одному пожилому мужчине, разглядывающему ее особенно пристально, показала язык. Тот дернулся в кресле, экспресс прибавил скорость, мимо Люды поплыли освещенные окна.

Яблоки лежали тихо, больше не собирались разбежаться, но словно негромко переговаривались на своем языке. От них шел густой диковинный аромат. Огни отражались в их выпуклой блестящей поверхности.

Люда взяла одно яблоко, поднесла его к лицу, закрыла глаза... и вдруг отчетливо услышала свист и щебет птиц в вершинах сада.

...Ее окружала высокая густая трава. Сквозь траву пробирались страшные длинноногие кузнечики. Люда боялась кузнечиков, но вместе с ними ползала под высокими зелеными стеблями, оставляя за собой узкий медленно смыкающийся след. Ей очень нравилось, что трава выше ее головы, и что она ползет долго-долго, видя перед собой все тот же зеленоватый полумрак.

— Люда! — догнал ее кажушийся сейчас незнакомым мамин голос.

Люда замерла.

— Люсенок, где ты?

Люда тихо засмеялась и быстро поползла вперед. Зашумели шаги, трава раздвинулась, показалось небо, крепкие нежные руки подхватили девочку. Высоко поднятая мамой, она увидела, что ее волшебный, полный света и мрака лес — всего лишь обычная, едва достигающая маминых колен трава.

Люда прислонилась кудрявой головкой к маминой щеке. Ей стало почему-то грустно. Щека у мамы была влажной.

— Май, — тихо сказала мама.

Люда удивленно подняла на нее глаза. Между ее щечкой и маминой щекой проскользнула соленая капля. Мама плакала. Кругом был май, трава кипела цветами, весь сад звенел птичьими голосами, а мама плакала...

В августе гибкие ветки невысоких яблонек, которыми был засажен мамин сад, обвисли под тяжестью крупных розовых плодов. Люда бегала, подпрыгивая, срывала яблоки, играла с ними, как в мячик, потом бросала их в ведро. Мама ходила, счастливо смеясь, в косынке, откуда выбивались пахнущие летним солнцем русые пряди волос.

— Вот, Люсенок, представь, — говорила она, — зима, холодно...

— С потолка капает, — подсказывала Люда.

— И с потолка капает. Небо серое-серое. Все давно уже о солнышке забыли. А в нашей комнатке светло-светло, как будто настала весна.

— Ты новую люстру купишь? — обрадовалась Люда.

Мама улыбнулась немного печально. Вокруг добрых глаз разбежались тоненькие морщинки.

— Нет, доченька, не куплю. У нас все равно будет светло. Ты будешь сидеть на сундуке и держать в руке яблоко. Оно будет сиять ярко, как солнце. И твоя мордашка тоже, — мама легонько прикоснулась к курносому носику дочки.

На улице за забором остановился новенький автомобиль. Люда увидела, что в нем сидит маленький стриженный мальчик. У него были большие голубые, как цветные стеклышки, глаза. Мальчик тоже посмотрел на Люду и вдруг скорчил ей рожу. Люда обиделась и сжала покрытые ореховым загаром кулачки. Но она сразу же забыла про обиду, до того поразило ее странное поведение мамы. Из машины вылез толстый человек в черном костюме. Мама слабо вскрикнула и потянулась к нему, но ее словно отбросило назад. Человек посмотрел на Люду и улыбнулся. Голубые, как у мальчика, глаза его вспыхнули, из-под толстых губ показались ослепительно белые зубы. Люда заинтересованно уставилась на него. Но он, уже не глядя в ее сторону, пошел, колыхаясь всем своим огромным телом,

к вытянувшейся, как струночка, маме. Ее всегда бледное лицо сначала вспыхнуло так ярко, что лежащие в ведрах яблоки показались выпцветшими рядом с ним, а потом совсем побелело и стало неподвижным, как у Снегурочки из сказки. Толстый человек негромко заговорил с ней. Мама слушала и все время кивала головой: да, да...

Вдруг толстый человек направился прямо к Люде и неожиданно подбросил ее в воздух. Люда чуть не подавилась яблоком и, выгатавив его изо рта, судорожно сжала в руке. Взлетев во второй раз, она поразилась чудесному, как во сне, ощущению волшебной легкости, с которым она взмывала ввысь и упруго падала на подхватывающие ее сильные руки мужчины. Это ощущение было для нее новым. Мама никогда не играла с ней так...

Когда Люда снова оказалась на земле, ей захотелось заплакать.

Но что это делает мама? Носит и высыпает в открытый багажник автомобиля одно ведро яблок за другим. Люда бросилась к ней.

— Мама, что ты делаешь?!

— Ничего, доченька... — мама прерывисто дышала. — Видишь мальчика? Это Володя. Он тяжело болен. У него ножки не ходят. Давай подарим ему яблоки.

Люда надула губы.

— А я? Я тоже маленькая!

— Но ты же здоровая, вон как бегаешь! — громким веселым голосом сказал человек в черном костюме. — Если будешь себя хорошо вести, зимой я пришлю тебе апельсины.

Люда отвернулась. Она слышала, как стучат яблоки, падая в багажник. Потом настала тишина.

— Спасибо, малыш, — сказал толстый человек, с чувством пожимая мамину безжизненную руку. — Ты все такая же добрая душа. Почему замуж не выходить?

— Не хочу, — тихо ответила мама.

— "Не хочу"! — передразнил толстяк. — Тебе о ребенке надо думать! Ей отец нужен, а в доме — мужчина. Вон у тебя все разваливается... Ну, поехали!

Он обошел вокруг автомобиля и, опустившись на мягкое серое сиденье, стал заводить мотор.

Между тем Люда, осмотревшись вокруг, обнаружила, что все ведра опустели. Лишь одно, ее розовое пластмассовое ведерко, стоит, полное яблок. Миг — и она бежит с ним по дорожке, выбегает на улицу, пробегает мимо окаменевшей мамы и сует ведерко в приоткрытую дверцу автомобиля.

— Возьмите... Это Володе.

Вытащив носовой платок, мужчина обтер покрасневшее, покрывшееся потом лицо.

— Спасибо, дочура. Кушай сама.

— Нет-нет! — настаивает Люда. — Нам с мамой не надо, мы здоровые! Пусть Володя сидит и ест яблоки, он поправится. И ведро тоже ему дай-те, пусть он играет. У нас еще много есть, — соврала она.

Рука мужчины замерла. Потом он медленно взял ведро у Люды и протянул на заднее сиденье приподнявшемуся мальчику. Краснота сошла с его лица, но на лбу вновь выступили крупные капли пота. Когда он заговорил, губы его с трудом шевелились:

— Спасибо, Людмила. Ты хорошая девочка. Я обязательно пришлю тебе апельсины.

Когда на дороге улеглась пыль, Люда прижалась к маме и успокоительно сказала:

— Ничего, что мы Володе подарили все яблоки. Апельсины могут светиться еще лучше. Особенно зимой.

...И опять был август, когда напротив сада вновь остановился автомобиль, но уже не новенький "Москвич", а средней свежести иномарка. Из нее выскочил невысокий смуглый юноша, помог выйти похорошевшей Люде в белом брючном костюме.

Смущенно улыбаясь, они неслышно приблизились к разглядывающей поврежденную яблоневую ветку маме и внезапно обняли ее.

— Господи! Ты бы, Люсенок, хоть написала, что приедешь! А это...

— Я тебе не писала, хотела сделать сюрприз. Это мой муж, — и она назвала нерусское имя.

Зять церемонно поцеловал узкое потемневшее запястье мамы. Та несколько растерянно улыбнулась.

— Муж... да... очень приятно, конечно. Но, Люсенок, как же ты будешь...

— Он работает в посольстве, мамочка. Мы через неделю уезжаем за границу, его срочно вызвали домой. Вот... приехали попрощаться...

Стукнуло, упав на дно ведра, маленькое яблоко, которое держала в руке мама. Ветер шевелил на ее тонкой шее поседевшую прядь, выбившуюся из-под белой косынки. И прядь, и косынка, как прежде, пахли летом, солнцем и ветром...

А здесь пахло только лекарствами. В коридоре пахло и еще многим другим, и все, кто был здесь, привыкли к этому запаху, в палате же воздух все время проветривался. Через фрамугу лился свежий горько-сладкий аромат уходящего лета, но запах лекарств был сильнее.

Встретив Люду в коридоре, муж ужаснулся:

— Люси! Что это значит?! Ты, в таком виде... Ты упала? Где ты была?

— Ездил за яблоками.

— Какими яблоками?

— Потом расскажу. Как мама?

— Ей хуже. Звала тебя. А ты...

Люда махнула на него рукой и, на ходу натягивая халат, вбежала в палату.

— Мамочка, вот яблоки...

Серебристо-розовые, твердые, сияющие, они легли вокруг ее измощенного строгого лица.

— Мама, ты слышишь меня? Я привезла тебе яблоки. Те самые, волшебные, из нашего сада. Они будут светиться, и ты поправишься. Мамочка...

— Что ты еще придумала? — спросил муж, входя. — Ей нельзя яблок. Врач сказал, ей можно только апельсины. Я купил хорошие апельсины.

— Мама, ты слышишь меня?! Мамочка!!!

— Люси, только не волнуйся. Я позову врача.

...Мама, мама, мама! В их саду давно хозяйничали чужие люди, она, важная супруга иностранного дипломата, лезла через забор, как мальчишка, срывала яблоки с дерева в кулек; спасаясь от собак, прыгала, падала, набивая синяки, бежала, ехала на сене в грузовике, и яблоки ехали вместе с ней, а ты даже не хочешь на них посмотреть, мама, мамочка! Ма-ама!..

...Мама уже бежала к ней.

— Что ты, доченька? Что с тобой?

На шершавом листе прямо перед Людой качался большой зеленый кузнечик и смотрел в лицо девочки бусинками глаз...

Мама уже подняла Люду из травы и вместе с ней шла по дорожке между яблонями с крошечной зеленой завязью, а девочка все дрожала от пережитого страха и никак не могла успокоиться.

